

ВОЕННАЯ ЭЛИТА ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ О ПРОТИВНИКЕ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (на основе мемуарной литературы)

Статья посвящена анализу образа врага, сконструированного на страницах воспоминаний военной элиты Германской империи. Ее источниками являются мемуары Эриха Людендорфа, Пауля фон Гинденбурга и Альфреда фон Тирпица. На их основе изучается то, как немецкое военное командование изображало Антанту и ее членов. Особое внимание уделяется интеллектуальному фону эпохи, эмоциональному, социальному и личностному восприятию врага, особенностям образов каждого из авторов, а также способам их конструирования. В статье рассматриваются сходства и различия в образах врага у Людендорфа, Гинденбурга и Тирпица и вызвавшие их субъективные факторы. Выявляется зависимость образов от социальной принадлежности авторов к определенному сословию и роду войск.

Ключевые слова: военная элита, Первая мировая война, Германская империя, образ врага, мемуары.

Первая мировая война оставила большой след в истории. После своего окончания она была запечатлена в мемуарах многих людей. Особенно старались представители немецкой военной элиты, пытавшиеся, во-первых, оправдаться в военном поражении, а во-вторых, донести до читающей публики свое видение конфликта, в том числе и свой взгляд о противниках Германии.

К военной элите Германии, если исходить из определения понятия «элита»¹, данного социологом В. Парето², следует относить всю военную верхушку немецкой армии, включая высшее офицерство и военное чиновничество, т. е. всех тех, кто участвовал в управлении немецкими военными силами. В статье используются мемуары трех представителей немецкого военного командования времен Первой мировой войны: Эриха Людендорфа³, Пауля фон Гинденбурга⁴ и Альфреда фон Тирпица⁵. Все трое в полной мере относятся

к военной элите, так как являлись людьми, имевшими высшие воинские звания и занимавшими руководящие посты в армии и на флоте.

Наибольшее внимание вышеназванные военные деятели уделяли двум своим противникам: Великобритании и России. Традиционный главный враг Франция отошла на второй план, так как в 90-х гг. XIX в. в Генеральном штабе и во внешней политике кайзеровской Германии произошла смена приоритетов. Нарастание англо-германского антагонизма, идеологический поворот в отношении Российской империи, мнение многих тогдашних интеллектуалов об ослаблении Франции повлияли на формирование образа врага Людендорфом, Тирпицем и Гинденбургом.

Вследствие коалиционного характера войны образ врага в исследованных мемуарах был двухуровневым. Авторы отождествляли противника либо с противоборствующей коалицией в целом – Антантой, либо с каким-то отдельным противником, преимущественно с англичанами или русскими.

Сначала рассмотрим то, как они изображали Антанту. Эрих Людендорф считал ее единым, довольно слаженно работающим организмом вражеских государств, направляющим все силы на свою главную цель – уничтожение Германии. Этот противник, холодный и расчетливый, был прекрасно осведомлен о слабостях неприятеля и пользовался ими, а также не останавливался ни перед чем при достижении этой цели. Немецкий генерал писал, что Антанта «постоянно нарушала международное право»⁶ и была готова на все ради победы: он намекал, что она приложила руку к революции в России в 1917 г. Характерной чертой вражеской коалиции Эрих Людендорф считал двуличность: она, к примеру, агитировала за соглашательский мир, хотя сама его не желала. Он подразумевал под врагом Антанту при описании попыток мирного урегулирования, положения в экономике и иногда – событий на Западном фронте (когда он не различал отдельно англичан и французов).

Для Гинденбурга Антанта была некой организацией, главенствующую роль в которой играла Великобритания. Последняя, по его мнению, диктаторски относилась к своим союзникам, прежде всего к Франции, Италии и Румынии, и буквально заставляла⁷ их подчиняться своей воле⁸. Это, конечно, не отменяло общего стремления всех противников уничтожить Германскую империю. При этом, как считал фельдмаршал, всем странам-участницам Антанты был присущ ряд общих черт:

- диктатура их правительств и подавление всякого инакомыслия;
- жестокость по отношению к жителям из колоний (африканских солдат, по мнению фельдмаршала, тысячами вели на бойню);

- холодность и расчетливость (они видели, что происходит внутри Германии, и пользовались полученной информацией);
- использование нечестных приемов борьбы, например подкупа.

В этом образ Антанты Гинденбурга схож с людендорфовским: они оба писали об одних и тех же вещах.

Гросс-адмирал Альфред фон Тирпиц считал Антанту результатом английской политики окружения, направленной против Германии. Политическим и военным мозгом вражеской коалиции для него была Великобритания, и в этом он был согласен с Гинденбургом. Методы борьбы против немцев – вооруженную борьбу, голод, интернирование, грабеж торговых судов и пропаганду – немецкий военный деятель называл «преступлением над духом гуманности»⁹. Взгляды Тирпица на цели противника сходились с взглядами Людендорфа и Гинденбурга. Он тоже считал, что Антанта хочет уничтожить Германию¹⁰.

Рассмотрим персонифицированный образ врага – образ русских, британцев, французов и др.

Перед подробной остановкой на образе британцев, созданном представителями военной элиты Германской империи, следует обратиться к тем идеям, которые оказали непосредственное влияние на его формирование. Как отмечают исследователи¹¹, Британия стала изображаться расчетливой, капиталистической, индустриальной, пуританской, империалистической и меркантильной страной, больше схожей с Францией, начиная с середины XIX в. В 70-х гг. того же века Густав фон Трейчке пришел к мысли о разграничении англо-саксонской и тевтонской культур и сконцентрировался на разоблачении высокомерия, бесчеловечности, лицемерия и эгоистичного материализма британской внешней политики. Также распространялись идеи о народном духе, противопоставляемом техногенной цивилизации. В конечном счете произошло оформление идеологического противостояния с Англией, которая стала отождествляться с рациональным, механистическим и индивидуальным (последнее в свете идей о народном духе и народном единстве имело крайне отрицательный оттенок). Макс Вебер и Эрнст Трельч выдвинули идею о том, что дух капитализма был характерной чертой английской жизни¹². Непосредственно перед Первой мировой войной очень широкое распространение получили представления Вернера Зомбарта о противостоянии торгашей (под которыми подразумевали англичан) и героев (т. е. немцев).

Представления о Великобритании как о механистическом и рациональном противнике, нашли свое отражение в образе врага

Эриха Людендорфа. Он рисовал британцев жестокими и расчетливыми и не жалел для этого красок. В результате у немецкого генерала получился бесчеловечный и холодный монстр, этакий безжалостный интеллект. Людендорф считал, что Англия стремилась экономически уничтожить и обессилить Германию. «Немедленно после начала войны Англия начала против Германии и Австро-Венгрии голодную войну мероприятиями, противоречащими международному праву. ...Англия действовала с бесперывной последовательностью, как это часто бывало в ее жестокой истории»¹³ – писал он. Этот образ врага касается не простых солдат, а политического руководства. Об английских солдатах немецкий генерал практически не упоминал.

Идеи о духе капитализма как о характерной черте британцев и их жизни проявились в образе врага, сконструированном Альфредом фон Тирпицем и Паулем фон Гинденбургом. В представлении первого британская политика была «пуритански-фарисейской и практически-утилитарной» и подчинялась интересам «англо-саксонского капитала»¹⁴. Англичан гросс-адмирал считал «торговым народом», действующим исключительно в своих интересах. Британия, по его мнению, использовала другие страны для достижения своей цели. Пример – использование России как «парового катка» в борьбе с Германией. Принципиальность Англии в Первой мировой войне Тирпиц объяснял тем, что «раз уж Англия пошла на такое гигантское напряжение сил, ставившее под угрозу ее собственное экономическое положение, то она желала получить за это гигантское вознаграждение и на целые столетия избавить себя от страха перед возрождением германского народа»¹⁵. Гинденбург изображал англичан думающими только о своем благополучии, так как они были готовы стерпеть любые лишения во время войны, только чтобы разбогатеть после нее. Писал он и о наличии в английском обществе «экономического эгоцентризма»¹⁶. По его мнению, англичане задумались о мире, только если бы посчитали, что война им дорого обходится. В этих определениях хорошо отражаются также идеи о том, что английская нация – нация торгашей. Помимо этого Гинденбург обратил внимание и на британскую армию. К ней он относился с некоторым снисхождением, указывая на многие ее недостатки: например слабое командование и неповоротливость в бою. К достоинствам английской армии фельдмаршал относил невероятное упорство английских солдат и очень хорошую дисциплину.

Образ русских конструировался на основе других идей. Изображение немцами России в начале XX в. было очень политизи-

ровано, что являлось следствием огромного вклада политических элит в его формирование¹⁷. Правда, в Германии отсутствовал единый образ России. Были отдельные образы у образованного бюргерства, социал-демократов, национал-империалистов. Даже в среде военной элиты существовало два взгляда на Российскую империю: прусский (основанный на взаимном стремлении к консерватизму и аллюзиях с событиями 1813 г.¹⁸) и южногерманский (сочувствующий традиционной австрийской неприязни к русским конкурентам на Балканах)¹⁹. Для милитаризованных дворянства и буржуазии был характерен национал-империалистический²⁰ образ России. Именно он очень хорошо был отражен в образе русского врага Людендорфа и Гинденбурга. Для него характерны самодовольная и пренебрежительная интерпретация разных уровней развития двух стран и предположение о превосходстве немцев в политической, экономической, военной и духовной сферах.

Наиболее ярко влияние национал-империалистических представлений о России на конструирование образа врага выражено в воспоминаниях Эриха Людендорфа. В его образе русских превалирует категория противопоставления «варварство – цивилизация». Выходцу из Пруссии – Людендорфу, по всей видимости, был чужд довоенный прусский образ Российской империи. Это объясняется недворянским происхождением генерала и его националистическими взглядами. Он представил русских как в высшей степени варварский и некультурный народ, а их государство – варварской, отсталой от цивилизованного мира деспотией, колоссом на глиняных ногах²¹. Русскую армию Людендорф описывал как плохо обученную, берущую скорее количеством, чем качеством. Несмотря на то что Ренненкампф поддерживал дисциплину в своих войсках во время оккупации Восточной Пруссии, там, по мнению немецкого генерала, все же наблюдались «бесконечное ожесточение и большие ужасы»²². Воплощением варварства для Людендорфа были казаки. Он писал: «Казаки свирепы и дики, они жгли и грабили»²³. К свидетельствам варварства русских относится и описание отхода русской армии из Польши в 1915 г. Русские, по словам немецкого генерала, жгли селения и продовольствие, угоняли с собой скот, а затем «позволяли ему дохнуть по большим дорогам»²⁴. Увлекаемое за собой население, если оно мешало отступлению, сгоняли с дорог в болото. Помимо этого Людендорф указывал и на низкий уровень культуры врага. Оставленный русскими в 1914 г. Норденбург²⁵ был, по его свидетельствам, очень загрязнен, помещения – тошнотворно запачканы, а рынок полон нечистот. К послереволюционной армии немецкий генерал относился с неким пренебрежением: она сильно

изменилась, подверглась революционному разложению и уже не представляла прежней опасности. С этого момента к образу России и русских добавились политические и антибольшевистские нотки, так как идеология большевиков была крайне далека от идеологии немецких военных элит.

Квинтэссенцией национал-империалистической интерпретации России и ее довоенного прусского образа является описание врага Паулем фон Гинденбургом. Он, как и Эрих Людендорф, считал Российскую империю «неповоротливым колоссом», который «удушающим ярмом висел на шее всего европейского и азиатского мира»²⁶. Русские солдаты в его представлении в основной своей массе отличались недалекостью и плохой обученностью. Также мнения фельдмаршала и его помощника сходились насчет казаков и русской культуры. Первые виделись Гинденбургу «распространителями озверелой дикости»²⁷, а о второй он писал как о недокультуре (нем. *Halbkultur*), для которой были характерны грязь и ничем не заглушаемый запах нечистот. Но мы можем также видеть и совершенно другие суждения о русских. В частности Гинденбург писал о «великолепном солдатском материале, среди которого без сомнения были способные элементы»²⁸, и считал, что русских нельзя недооценивать:

По моему мнению, это было неправильно, видеть в России только деспотизм и рабство, нерасторопность, тупость и корысть. Также там, конечно, только отдельным кругам, были присущи сила и высокий моральный дух. Любовь к родине, самостоятельная воля, работоспособность и дальновидность были не совсем чужды сухопутным войскам²⁹.

И все же даже эти суждения проникнуты национализмом и ощущением превосходства над восточным соседом: почти сразу же Гинденбург добавлял, что русским не хватало величия человеческих и духовных качеств, так почитаемых в Германии.

По сравнению с двумя предыдущими военными деятелями Германской империи, Альфред фон Тирпиц, внимание которого полностью поглощено Великобританией, был немногословен, говоря о русских. Российская империя в его представлениях отождествлялась с царизмом и панславизмом и виделась огромной массой, которая должна была задавить Германию³⁰. Прямого обозначения ее как варварской деспотии или колосса на глиняных ногах в воспоминаниях Тирпица нет.

Сведения об остальных противниках Германской империи, содержащиеся в воспоминаниях представителей военной элиты этой

страны, являются слишком малоинформативными и незначительными. Это скорее заметки, чем сконструированный образ врага. Даже французы – противник Германии начиная с Наполеоновских войн – были проигнорированы вышеназванными немецкими военными деятелями. Незначительные заметки о французских войсках есть только в воспоминаниях Пауля фон Гинденбурга. К ним у него не было явного пренебрежения. К преимуществам французской армии фельдмаршал относил ее подвижность, а к недостаткам – плохую стойкость в обороне³¹. Также он выделял французскую артиллерию, которая воспринималась немцами как опаснейший противник, чего, по его мнению, нельзя было сказать о пехоте. Также Гинденбург отмечал, что качество войсковых соединений было разным – все зависело от области, из которой шло пополнение.

Невнимание Альфреда фон Тирпица к западному соседу можно объяснить тем, что гросс-адмирал, как представитель морских кругов военной элиты, считал главным врагом отнюдь не Францию или Российскую империю. Он не уделял внимания странам, делающим упор на сухопутные силы. С Эрихом Людендорфом все гораздо сложнее: генерал сухопутной армии не останавливался особо на образах французов или американцев. Его отношение к ним было несколько пренебрежительное, даже при описании событий второй половины 1918 г. Он, например, объяснял успехи американцев в одном из сражений только тем, что немецкие войска сплеховали. Это можно объяснить несколькими факторами:

- войскам Антанты, несмотря на численное превосходство, не удалось за 4 года войны (за исключением финального наступления) более-менее серьезно поколебать немецкий фронт, поэтому отношение к ним было соответствующим;
- для Людендорфа как для офицера немецкого Генерального штаба 1900-х гг. самым важным врагом была Российская империя. Отсюда пониженный интерес к англо-американско-французским войскам и повышенный – к русским.

Сведения об Италии, Румынии, США или Греции весьма скудны и зачастую содержатся в воспоминаниях только одного, а реже – двух из трех рассматриваемых нами авторов. Исключением являются США: все трое отмечали, что Штаты с самого начала войны придерживались проанглийской позиции. На это, по мнению Людендорфа, Гинденбурга и Тирпица, указывало то, что Америка из-за англо-саксонского родства³² с Англией сквозь пальцы смотрела на морскую блокаду Центральных держав. Также Людендорф и Тирпиц указывали на тесные экономические связи между США и Антантой. Ставший очень большим за время войны долг послед-

ней, по мнению Эриха Людендорфа, сделал невыгодным для Америки ее поражение, что также предопределило вступление заокеанской державы в войну.

Румынам и итальянцам уделил свое внимание только Пауль фон Гинденбург. Итальянцы виделись ему не особо опасным противником, а Италию он изображал некой жертвой англичан, оказывавших на нее огромное экономическое давление. Итальянскую армию фельдмаршал называл слабой и неготовой к войне³³. Настрой у итальянцев практически отсутствовал, а заключить мир они не могли³⁴. Но руки они не опускали – их манили перспективы огромных послевоенных приобретений. Что касается вступления Италии в войну на стороне Антанты, а не Тройственного союза, то для немцев это не было неожиданностью. Пауль фон Гинденбург писал, что помощь Италии казалась ему сомнительной, правда, по причине слабости ее армии. Эрих Людендорф тоже не удивлялся этому, но расценивал поступок несостоявшейся союзницы как нарушающий «известные заповеди этики»³⁵. На фоне итальянцев румыны выглядели в глазах фельдмаршала Гинденбурга более грозно: они были готовы к войне и поддерживались русскими. Однако низкая мобильность армии и слабо ориентирующееся в ситуации командование показали немцам, что бояться им было нечего. Остальных противников Германской империи генерал Людендорф, фельдмаршал фон Гинденбург и гросс-адмирал фон Тирпиц только упоминали.

Аналитическое изучение мемуаров данных представителей военной элиты Германской империи позволяет установить, что образы врага у Эриха Людендорфа, Пауля фон Гинденбурга и Альфреда фон Тирпица обладали целым рядом сходств. Во-первых, все трое были едины в представлениях о главной цели противника. Во-вторых, они относились к Англии как к главному (в случае Людендорфа – одному из главных) противнику и изображали ее как рационально-холодного и крайне жестокого врага. В-третьих, их образы врага являются двухуровневыми. В-четвертых, Людендорф, Гинденбург и Тирпиц использовали при конструировании образа врага антитезу «цивилизация – варварство». Принадлежность к командованию сухопутной армии Людендорфа и Гинденбурга определила их повышенное внимание к Российской империи. Представитель военно-морских кругов Альфред фон Тирпиц обращал свое внимание прежде всего на Великобританию. Его образ англичан, как и гинденбургский, во многом находится под влиянием идеи о войне между торговцами и героями. Эрих Людендорф и Альфред фон Тирпиц в своем описании противника очень

категоричны и эмоциональны, в отличие от выходца из дворянской среды Пауля фон Гинденбурга, соблюдавшего дворянский политес.

Способы конструирования образа врага у всех троих военных деятелей вполне традиционны: сравнение противника с собой, приписывание ему варварской сущности и т. д. Эти образы являются синхронными, т. е. сконструированными непосредственно во время войны. Военная элита Германской империи была лишена постоянного личного контакта с противником, поэтому материал для своих конструкций она черпала в немецкой прессе. Однако ее представления не были полным отражением тех идей, так как собственный военный опыт, происхождение и принадлежность к определенному роду войск накладывали отпечаток на конструирование образа противника.

Примечания

- ¹ Элита, согласно определению Вильфредо Парето, это класс, в который входят все люди, имеющие высший показатель в своей области деятельности.
- ² См.: *Парето В.* Компендиум по общей социологии / Пер. с итал. А.А. Зотова; науч. ред. М.С. Ковалева. М., 2007. С. 308.
- ³ Людендорф был начальником штаба сначала 8-й армии, а потом всего Восточного фронта (1914–1916 гг.), затем первым генерал-квартирмейстером (1916–1918 гг.), генералом по званию.
- ⁴ Гинденбург занимал должность командующего 8-й армией и позже Восточным фронтом (1914–1916 гг.), а также начальника Генерального штаба в 1916–1918 гг., и был фельдмаршалом.
- ⁵ Тирпиц был статс-секретарем имперского морского министерства в 1897–1916 гг. и имел звание гросс-адмирала.
- ⁶ *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг.: В 2 т. / Пер. с 5-го нем. изд. под ред. А. Свечина. М., 1923–1924. Т. 2. С. 11–12.
- ⁷ Это в большей степени относится к Италии и Румынии. Гинденбург писал, что если бы Италия когда-нибудь выразила намерение заключить мир без согласия на то Британии, то та бы быстро ее усмирила, заставив голодать.
- ⁸ См.: *Гинденбург П. фон.* Воспоминания. М., 2013. С. 144.
- ⁹ См.: *Тирпиц А. фон.* Воспоминания / Пер. с нем. В.Я. Голанта под ред. проф. адмирала В.А. Алафузова. М., 1957. С. 301.
- ¹⁰ Там же. С. 345.
- ¹¹ См.: *Hewitson M.* Germany and the causes of the First World War. N.Y., 2004. P. 51–52.
- ¹² См.: *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 44–271; *Troeltsch E.* Protestantisches Christentum und Kirche in der Neuzeit. Berlin, 1906.

- 13 *Людендорф Э.* Указ. соч. Т. 1. С. 175.
- 14 *Тирпиц А., фон.* Указ. соч. С. 308.
- 15 Там же. С. 310.
- 16 *Гинденбург П., фон.* Указ. соч. С. 244.
- 17 См.: *Ветте В.* Россия в представлениях немцев в XX веке // Россия и Германия: Сб. статей. Вып. 1. М., 1998. С. 227.
- 18 Имеется в виду Заграничный поход русской армии и «освобождение» Европы от Наполеона.
- 19 *Ланник Л.В.* Германская военная элита периода Великой войны и революции и «русский след» в ее развитии. Саратов, 2012. С. 346.
- 20 Присущий национал-империалистам.
- 21 Понятие «колосс» Э. Людендорф применял по отношению к России в тексте своих мемуаров.
- 22 *Людендорф Э.* Указ. соч. Т. 1. С. 59.
- 23 Там же. С. 60.
- 24 Там же. С. 123.
- 25 Современный поселок Крылово Калининградской обл. РФ.
- 26 *Гинденбург П., фон.* Указ. соч. С. 213.
- 27 *Hingenburg P. von.* Aus meinem Leben. Leipzig, 1920. S. 89.
- 28 Ibid. S. 85.
- 29 Ibid. S. 120–121.
- 30 Именно в таком смысле Тирпиц говорит о Российской империи как о «паровом катке».
- 31 См.: *Гинденбург П., фон.* Указ. соч. С. 254.
- 32 Большинство жителей США были потомками выходцев из Великобритании.
- 33 См.: *Hindenburg P., von.* Op. cit. S. 73.
- 34 Причины, которые приводил Гинденбург, были описаны выше.
- 35 *Людендорф Э.* Указ. соч. Т. 1. С. 53.